

УДК 316.334.52

Ганопольский М.Г.
Ganopolsky M.G.

Структура расселения региона: опыт социокультурного прочтения

The settlement structure of a region: the sociocultural experience of the perusal

Статья посвящена проблеме социокультурной интерпретации структуры расселения региона. На основе анализа ряда авторитетных концепций в области расселения выявлены теоретические конструкты, отражающие основные этапы становления расселенческих структур. Особое внимание уделено вопросам последовательности их выдвижения и преемственности. Сделан вывод о том, что расселение уже на начальных этапах несёт в себе зачатки социальности и культуры, а достигая структурной зрелости, выступает в качестве протосоциальной и протокультурной основы региона.

Ключевые слова: *расселение, структура расселения, социология расселения, регион, земные созвездия, схема, образ, социокультурный портрет*

The article is devoted to the sociocultural interpretations of structure of the region settlement. Theoretical constructs are identified by analyzing of a number of authoritative concepts in the resettlement field. That constructs reflect the main stages of settlement structures. A special attention is paid to the sequence of the structures advancing and continuity. It is concluded the settlement carries the seeds of social and culture at the initial phases, and the settlement acts as protosocial and protocultural basis of a region.

Key words: *settlement, settlement structure, sociology of settlement, region, earthy constellation, scheme, image, sociocultural portrait*

Земные созвездия

Люди с незапамятных времён обращали взоры к звёздному небу, пытаясь с его помощью решать вполне земные вопросы. Так, соединяя звёзды в созвездия, они словно прочерчивали образцы своего размещения на поверхности земли. Считается, что именно карта звёздного неба служила в древности своеобразным аванпроектом как для расположения отдельных объектов (погребений, культовых сооружений), так и для строительства крупных поселений, особенно городов.

Столь же естественным было для человека желание взглянуть с неба на землю. В XX в. подобный взгляд стал доступен большинству людей благодаря развитию гражданской авиации, и во время ночного полёта планы освещённых городов предстают как своего рода земные созвездия. Эти причудливые рисунки человеческого присутствия на земле изучаются преимущественно географической наукой, где под расселе-

нием понимают как процесс рассредоточения людей по некоторой территории, так и его результат – совокупность населённых мест. Однако поведенческий момент указывает на то, что рисунок расселения можно рассматривать и в социологическом аспекте. Эмпирическим материалом при этом будут не анкеты, заполненные респондентами, а след на земле, который оставляли люди, прокладывая дороги и строя города.

Социология расселения

В конце 70-х гг. XX в. ленинградский социолог М.Н. Межевич ввёл в научный оборот специальный термин «социология расселения». Он обозначил им особую отрасль социологического знания, призванную изучать «связь между социальным развитием людей и их положением в системе расселения» [10, с. 17]. На деле же авторский замысел притянул на большее. Во-первых, при таком подходе проблематика развития и размещения производительных сил, да и в целом пространственная экономика, приобретали столь необходимый для них социальный акцент. Во-вторых, артикулировалась (пусть и не всегда явно) корреляция между социальной структурой общества и структурами расселения. То есть создавались предпосылки для изучения социально-территориальной дифференциации страны. В-третьих, рассмотрение структур расселения предполагало единство деятельностного и поведенческого аспектов в анализе локальных сообществ.

Поначалу новый термин довольно уверенно занял свою междисциплинарную нишу в социологическом арсенале. Он оказался адекватен специфике территориальной неоднородности страны, особенностям её экономического и социального пространства, проблемам нарастающей урбанизации. И всё же в качестве самостоятельной отрасли знания социология расселения так и не утвердилась. Отчасти это произошло под воздействием смены интеллектуальной моды, когда вопросы расселения были поглощены проблематикой социального развития территориально-производственных комплексов и при этом не были должным образом акцентированы. Существовали и другие причины падения её популярности. Как бы то ни было, термин «социология расселения» известен теперь большей частью по словарным статьям и учебным текстам – в современной научной социологической литературе он практически не встречается.

Правда, отдельные направления этой отрасли знания были более или менее успешно модифицированы различными социологическими, географическими и экономическими школами применительно к содержанию и характеру решаемых ими задач. Ближе всего к первоначальному замыслу находились четыре круга проблем.

Во-первых, это учёт социального фактора при изучении вопросов архитектурно-строительного проектирования и урбанистики в целом [8].

Во-вторых, проблематика социально-территориальных общностей (СТО) и их основных фокусов – городов, рассматриваемых в контексте социального пространства [2].

Третий круг проблем связан с междисциплинарными исследованиями новосибирской экономико-социологической школы в сотрудничестве с экономгеографами-руралистами (С.А. Ковалёв, А.И. Алексеев и др.) [5, с. 499–534]. Здесь объектом изучения были, как правило, группы близлежащих сельских поселений, а в качестве сверхзадачи рассматривался утопический прожект оптимизации схемы расселения путём ликвидации так называемых бесперспективных деревень. Как известно, это вызвало негативный общественный резонанс. Настолько бурный, что в итоге под сомнение была поставлена перспективность самих исследований подобной предметной направленности. Это был серьёзный удар, от

которого социология расселения в своём первоначальном виде так и не оправилась.

Четвёртый круг проблем также имел проектную специфику, но концентрировался не вокруг устоявшихся схем расселения, а был вызван к жизни крупномасштабными социально-экономическими проектами нового индустриального освоения огромных слабозаселённых территорий.

Планомерный характер освоения, масштабы территориальной экспансии, особенности заселения мест, считавшихся непригодными для жизни – всё это позволяло, с одной стороны, эксплицировать рациональные схемы деятельности, а с другой – воспроизвести формы отклика на них со стороны массового пространственного поведения, проявляющегося в виде рисунка расселения.

Казалось бы, постановка подобных проблем должна была актуализировать не только социологию расселения, но и целый пучок, связанных с ней направлений развития социогуманитарного знания. Это региональная версия прочтения понятия общности применительно к особенностям изучаемого объекта. Это дополнительный ракурс понимания социальной структуры – не только с точки зрения социального действия, но и с точки зрения социального места (в том числе и места жительства). Это структурно-коммуникативный анализ расселенческой основы общностных процессов. Отсюда и актуальность применения формальных методов и моделей, оправдавших себя в теоретической географии и пространственной экономике.

Дополнительно проблематизировал познавательную ситуацию и тот момент, что крупные административно-территориальные образования, обладающие чертами общности – характерная особенность современной России, доставшаяся ей в наследство от предыдущих периодов развития страны. Поэтому большинство подходов было выдвинуто отечественными исследователями. Как и следовало ожидать, двойственный характер изучаемого объекта сказался на ведомственной принадлежности этих подходов. Часть из них традиционно находилась в русле географической науки, другие тяготели к социологии, но всё же большинство подходов так или иначе сочетали в себе специфические черты различных наук. Тут бы и возродиться социологии расселения... Но, к сожалению, подобные теоретические вопросы долгое время выполняли здесь служебную роль предпроектного знания, поэтому так и не приобрели необходимого социально-пространственного звучания.

Регион: от схемы к образу

В последние годы намечается определённая реабилитация социологии расселения по всем указанным направлениям. Этому способствовал процесс регионализации страны и, как следствие, – формирование особого регионального дискурса, ознаменовавшего не только смену общественного уклада, но и трансформацию пространственного бытия россиян [12; 13]. Потребовалась и определённая смена оптики как в массовом осознании, так и в теоретическом воспроизведении процесса регионализации. В первом приближении она может быть обозначена как переход от единообразия к разно-образию. Отсюда и потребность, во-первых, в актуализации образа региона, а во-вторых, в определённом схематизме при его конструировании. Впрочем, оба эти момента нуждаются в уточнении.

Что касается использования понятия образ применительно к географическим объектам, то в период активной регионализации страны здесь, скорее всего, имела место редукция категории «genius loci» (гений / дух места) к облику единичного объекта. Причём не столько путём разного картографирования, сколько с помощью реконструкции художе-

ственных и публицистических текстов [15]. И только впоследствии этот материал был подвергнут теоретической рефлексии [6].

Теперь относительно понятий «схема» и «схематизм». В повседневной лексике слово схема употребляется в смысле поверхностного описания или изложения в общих, главных чертах. Но у него есть и специальное значение: условное графическое изображение составных частей объекта и связей между ними (монтажная схема, функциональная схема, принципиальная схема, транспортная схема и т.д.). Менее известно то, что у термина есть и своя философско-методологическая история, восходящая к Платону. У него схема приобретает значение универсального понятия, поскольку применяется не только к мифам или же к мусическому искусству, но и к политическому устройству и даже к законам. Впрочем, по-настоящему понятие схемы вводит в философию И. Кант. У Канта схемы – это своего рода посредники между категориями и эмпирическими явлениями. Их онтологический статус ниже, чем категорий и понятий, но они помогают синтезировать смыслы и представлять их как целостное явление – предмет познания [8, с. 220–224]. В последнее время схемы становятся предметом самостоятельного изучения. Им уделяют внимание системологи, методологи науки, представители когнитивной психологии [11].

Возвращаясь к интересующему нас моменту, следует отметить, что схемы административно-территориального деления страны и отдельного региона, схемы расселения территориальной общности и карты-схемы населённых пунктов способны дать представление о структурной зрелости рассматриваемого объекта с необходимой степенью глубины и подробности. Тем самым, схема расселения становится связующим звеном между рисунком расселения и образом региона. Такого рода понятийная цепочка важна с точки зрения единства стихийного и сознательного в формировании данного образа. Ведь в некоторых случаях образ региона стал трактоваться как его имидж. И хотя это всего лишь русифицированный перевод слова на английский язык, он явно или неявно адресует нас к триаде: имидж, репутация, бренд. То есть погружает в сферу туристического или иного бизнеса, связанного с ресурсами региона. Тем не менее, есть возможность не только отмежеваться от коммерческой трактовки образа, но и продолжить понятийную цепочку в направлении, которое позволяет, во-первых, адекватно аккумулировать предшествующие смыслы, а во-вторых, наполнить их качественно новым эвристическим потенциалом. Речь идёт о социокультурном портрете и тем самым об исследовательской программе «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов», для которой понятие социокультурного портрета стало ключевым. [9; 10; 1].

От образа региона к социокультурному портрету

В рамках программы, благодаря поэтапному расширению её предметно-методологического содержания, происходило сближение и даже взаимопроникновение социологических, экономических, историко-культурных и географических подходов. Выражение «социокультурный портрет» вначале воспринималось как метафора, но постепенно приобрело категориальный статус.

Для этого были серьёзные основания как методологического, так и исторического характера, связанные, в первую очередь, с колониационным развитием России. Остановимся на этом более подробно.

Интерес к проблеме отечественной колонизации и её роли в истории страны пережил за последние два-три десятилетия несколько спадов и подъёмов. При этом тема колонизации никогда не была для отечественного гуманитарного знания закрытой. Давно стало хресто-

матийным замечание В.О. Ключевского о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» [7, с. 20]. Но Ключевский – не первый, кто сформулировал свой взгляд на отечественную историю подобным образом. Его предшественником был С.М. Соловьёв, утверждавший: «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустые пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации» [13, с. 221]. Но и Соловьёв не был первооткрывателем подобного взгляда – он развил мысль своего учителя М.П. Погодина о «бродяжничестве» населения Древней Руси [16, с. 259–267]. Нечто подобное нетрудно обнаружить и в размышлениях П.Я. Чаадаева в отрывке, на котором обрывается «Апология сумасшедшего»: «Есть один факт, который властно господствует над всем нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию... это – факт географический» [17, с. 161].

Таким образом, тезис о географичности, об истории как смене мест, предстаёт как своеобразная синтагма отечественной культуры, проявляющаяся в парадигмах крупных колонизаций-освоений (в этом смысле – и в освоении космического пространства) и даже в торговле пространством в обмен на деньги и время (достаточно вспомнить судьбу Аляски или Брестского мира).

В этой историко-культурной динамике заселение территории и особенно расселение на ней зачастую оставались в тени. Но именно структура расселения выступала в качестве протосоциальной и протокультурной основы территориальных сообществ. При этом неважно, формировалась эта основа стихийно или же планомерно. Важна возможность её социокультурной трактовки, когда портрет региона выступает как своего рода текст, а структура расселения как подтекст.

Тем самым, движение от рисунка расселения к схеме расселения, а от схемы к образу – это и есть способ последовательного прописывания социокультурного портрета.

Литература

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. Редколлегия: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М., Весь мир, 2016. 345 с.
2. Воронин В.В., Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география на рубеже тысячелетий (теоретико-методологические аспекты). Самара: СГЭА, 1998. 191 с.
3. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе// Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. 736 с.
4. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
5. Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живёт советский человек. М.: Мысль, 1988. 218 с.

6. Кант И. Критика чистого разума. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. 779 с.
7. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 1. М., 1993. 572 с.
8. Межевич М.Н. Социальное развитие и город: Филос. и социол. аспекты. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 175 с.
9. Проблемы социокультурной модернизации регионов России. Сост., отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2013. 415 с.
10. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Колл. монография. Составление и общая редакция: Лапин Н.И., Беляева Л.А. М.: Academia, 2009. 808 с.
11. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011. 256 с.
12. Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под редакцией О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ., 2005. 816 с.
13. Соловьёв С.М. Избр. труды. М., 1983. 440 с.
14. Социология регионального и городского развития. Антология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 320 с.
15. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин; предисл. Л. В. Смирнягина; послесл. В.А. Подороги. М.: МИРОС, 1994. 156 с.
16. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьёв. М., 1990. 366 с.
17. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. 623 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioehkonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy. Kollektivnyj nauchnyj trud. Sost. i отв. red. chl.-korr. RAN N.I. Lapin. Redkollegiya: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, N.A. Kasavina. M., Ves' mir, 2016. 345 s.
2. Voronin V.V., SHarygin M.D. Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya na rubezhe tysyacheletij (teoretiko-metodologicheskie aspekty). Samara: SGEHA, 1998. 191 s.
3. Goryachenko E.E. Territorial'naya obshhnost' v izmenyayushhemsya obshhestve// Sotsial'naya traektoriya reformiruemoj Rossii: issledovaniya Novosibirskoj ehkonomiko-sotsiologicheskoy shkoly. Novosibirsk: Nauka, 1999. 736 s.
4. Zamyatin D.N. Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoj geografii. Smolensk: Ojkumena, 1999. 256 s.
5. Dmitriev A.V., Lola A.M., Mezhevich M.N. Gde zhivyot sovetskij chelovek. M.: Mysl', 1988. 218 s.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma. Sobr. soch. v 6-ti t. Т. 3. М., 1964. 779 с.
7. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lektzij v 3-kh knigakh. Кн. 1. М., 1993. 572 с.
8. Mezhevich M.N. Sotsial'noe razvitie i gorod: Filos. i sotsiol. aspekty. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. 175 s.
9. Problemy sotsiokul'turnoj modernizatsii regionov Rossii. Sost., отв. red. N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., Academia, 2013. 415 s.
10. Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste. Koll. monografiya. Sostavlenie i obshhaya redaktsiya: Lapin N.I., Belyaeva L.A. M.: Academia, 2009. 808 с.
11. Rozin V.M. Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii. M., 2011. 256 с.
12. Rossiya i eyo regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii / Pod redaktsiej O. Glezer i P. Polyana. M.: OGI., 2005. 816 с.
13. Solov'yov S.M. Izbr. trudy. M., 1983. 440 с.

14. Sotsiologiya regional'nogo i gorodskogo razvitiya. Antologiya. M.: Izd-vo PSTGU, 2012. 320 s.

15. KHrestomatiya po geografii Rossii. Obraz strany: Prostranstva Rossii / Avt.-sost. D. N. Zamyatin, A. N. Zamyatin; predisl. L. V. Smirnyagina; poslesl. V.A. Podorogi. M.: MIROS, 1994. 156 s.

16. TSimbaev N.I. Sergej Solov'yov. M., 1990. 366 s.

17. CHaadaev P.YA. Stat'i i pis'ma. M., 1989. 623 s.